

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Линия

мести

МОСКВА

2 0 1 9

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*
Редактор серии *Т. Масленникова*

В оформлении обложки использована фотография:
© photoagent / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Серова, Марина Сергеевна.

С32 **Линия мести / Марина Серова.** — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-103282-1

Телохранитель Женя Охотникова приходит в себя в больнице. Она тяжело ранена в плечо, но сотрясение мозга не позволяет ей вспомнить, что случилось. Она чувствует себя потерянной, вокруг нее начинают пропадать и умирать люди. Женя обязана разобраться, кто за всем этим стоит, пока неведомый злой гений сам не предпринял роковой шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103282-1

© Серова М.С., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

Дождь упрямо и методично барабанил по крышам домов, заливая дороги обширными лужами, перемешивая землю в липкую грязь. Тусклые фонари уныло освещали серые одинокие улицы, в домах грязно-желтым горели окна, их свет незначительно дополнял свет фонарей. Прохожих не было — и это ужасало ее. Сейчас она бы отдала все на свете, лишь бы в проулке показался хоть один человек, не важно кто — женщина, мужчина, ребенок... Она давно потеряла счет времени и понятия не имела, куда бежит. В голове звучала только одна-единственная мысль: ей не оторваться от погони. Он преследует ее и каким-то неведомым образом предугадывает каждое ее движение. Она петляла, словно лисица, за которой гналась свора охотничьих собак, пыталась спасти свою жизнь, одновременно понимая: у нее практически нет шансов. Она обречена.

Ноги увязали в грязи, она неловко спотыкалась, падала, но вставала и продолжала свой безумный бег. Ее волнистые густые волосы, еще утром уложенные в элегантную прическу, сейчас растрепались и мокрыми прядями падали на лоб и глаза, одежда местами порвалась, на сапоги налипла грязь и опавшая осенняя листва. Сейчас сложно было узнать в ней недавнюю эффектную молодую женщину с идеальным макияжем и в стильной, грамотно и с любовью подобранной одежде. Сейчас она больше всего напоминала загнанную в угол жертву, воплощение ужаса и отчаяния. Временами она вскрикивала, звала на помощь, но крики срывались на судорожные рыдания, а в ушах звенел размеренный гул его шагов. Шагов, предвещавших смерть...

Улица резко завернула и как-то неожиданно сузилась. Никаких ответвлений и развилок она не увидела, поэтому побежала вперед, все еще лелея слабую надежду оторваться от преследователя. Она цеплялась за эту надежду, как утопающий за соломинку. Увы, соломинка оказалась слишком тонкой, слишком хрупкой, слишком непрочной...

Вдруг улица резко оборвалась, перед ней откуда ни возьмись выросла стена. Она судорожно озиралась по сторонам, пытаясь найти хоть какую-нибудь лазейку, выход... Но вы-

хода не было. Только стена, о которую разбивались вдребезги все ее попытки спастись.

Она обернулась — медленно, как будто ее тело само, без ее приказа совершило это движение. Она слышала свое дыхание будто со стороны. Может, это — свист ветра? Шорох листвы того деревца, на которой срывает свою злобу отчаянный октябрьский дождь? Да-да, это, должно быть, листья, те, которые еще остались, не облетели — наверно, это их звук, такой громкий и резкий... Нет, не может быть это ее дыханием — она вообще не дышит, ее сердце замерло и не бьется, и дышать она не может. Но... тут ведь стена, никакого дерева быть не должно... Свист. Угрожающий и зловещий, словно шипение ядовитой змеи, которая готовится к броску. В детстве она как-то смотрела передачу про змей — какой-то ученый рассказывал про повадки этих пресмыкающихся и показывал самых ядовитых и опасных гадов крупным планом. Змеи внушали сложные чувства: одновременно отвращение, страх, и в то же время они как-то завораживали своими движениями, в каждом из которых сквозила смерть. Та передача, которую она смотрела в детстве, давно забылась, однако сейчас в памяти всплывали кадры, на которых плавно перетекали гибкие змеиные тела — вот они двигаются мягко и грациозно, на экране мелькают цветные

причудливые узоры чешуи, и вдруг — напряжение мощной мускулатуры, змеиная голова оборачивается в сторону жертвы, и... мощный бросок. Острые зубы-жала впиваются в добычу, впрыскивая смертельную дозу яда. Жертва парализована, а тихий убийца обвивает ее своими кольцами, стискивает до хруста костей и хрящей, разевает страшную пасть и начинает заглатывать свою трапезу целиком, натягиваясь на нее, точно чулок.

А свист приближался. Она не видела фигуру человека, который шел словно бы мимо, как будто спешил по своим делам и внезапно решил свернуть в тупик, увидев ее. Поговорить с ней. Потолковать по душам. Побеседовать о погоде. *Поговорить.*

Он не бежал, как раньше. Куда бежать? Зачем? И так все очевидно. Жертва в тупике. В ловушке, из которой нет выхода. Как все банально и скучно, как все предсказуемо! Он порядком устал от этой обыденности. Он ведь надеялся, что сейчас все будет по-другому. Он хорошо изучил ее и думал, что она окажется не такой, как другие, до нее. Женщины... Каждая считает себя особенной, каждая думает, что другой такой не сыскать. Но почему его ожидания опять не оправдались? Она же была другой, он верил ей! Он верил, что она не такая, что она изменит его представление, что она будет иной... Он давно пред-

вкушал этот момент, как ребенок с нетерпением ждет новогоднюю ночь, зная, что под елочкой найдет необыкновенный подарок, мечту всей своей жизни. Но бьют куранты, взрослые выпивают фужеры шампанского, и ребенок бежит к золотистой коробочке, перевязанной яркой ленточкой. Предвкушение чуда, радости, удивления, волшебства... Разрывает ленточку, не в силах удержать своего нетерпения, разворачивает подарок, и...

Шоколадка. Простая шоколадка, которая всегда преподносится в качестве подарка. Яркая обертка, многообещающая тайна, загадка и такое ничтожное содержание! Разочарование. Обида. Неверие в чудо и волшебство.

Сейчас он чувствовал себя тем самым ребенком. Яркая обертка, которую он так мечтал развернуть, скрывала самое обычное, обыденное наполнение. Она снова разочаровала его. Она оказалась такой, как все. Зачем она обманывала его? Зачем внушала ему ложные надежды? Она ведь заставила его поверить, что на этот раз все будет по-другому! Она должна была стать тем чудом, которого он так ждал, она должна была стать исключением из правил!

Увы. Его снова обманули. Глаза, в которых застыл ужас, напряженная поза, грязная, изодранная одежда. Как все скучно

и банально! Она должна поплатиться за свою ложь. Она ответит за свой обман. Она будет страдать так же, как страдает он, потому что она виновата в его разочаровании!

Он устало улыбнулся и достал остро заточенный нож. Лезвие молнией блеснуло в темноте, отразившись в ее глазах. На ее лице застыл ужас, а на его — вымученная ухмылка.

ГЛАВА 1

Мягкие теплые волны набегали на берег, слегка поглаживая песок и гальку, и ракушки, передвигая их осторожно, словно опасаясь нарушить гармоничную, идеальную картину. В их мерном рокоте слышались какие-то бормотания, неясные звуки, складывающиеся в гортанную, убаюкивающую песню. Волны приятно щекотали кожу, вычерчивая на ней замысловатые узоры, которые тут же исчезали, стоило воде отхлынуть от берега. Каждый раз новые орнаменты, каждый раз меняющаяся колыбельная: вроде слова одни и те же, но комбинация всегда немного другая, как в калейдоскопе — снова и снова новая картинка. Солнце не палило, а также мягко ласкало тело, точно договорилось с теплыми морскими волнами, что сегодня оно не будет резко обдавать своим жаром, а в унисон с морской водой принесет лишь блаженство

и умиротворение. Плавно и медленно текут волны, и точно так же размеренно передвигаются мысли в голове — все размытые, неясные, не беспокоящие, а какие-то туманные. Вроде как хочется поймать одну из них и разглядеть, о чем она, но это не удается — неясные образы никак не получается рассмотреть, а сонные слова не различишь в тихом бормотании. Только размытые картинки, все как одна — абстрактные и непонятные, и колыбельная — убаюкивающая, но невнятная.

Эти образы и звуки расслабляют и ненавязчиво предлагают расслабиться и отдаться чувствам и ощущениям. В обычной жизни полно всевозможных раздражающих мыслей, забот или воспоминаний, которые наполняют мозг целиком. Если сосредотачиваться на каждой мысли в отдельности, то можно упустить другие. А что, если эти мысли все убрать? Что тогда останется? Это страшно — если в голове не будет ничего, можно столкнуться с пугающей пустотой. А может, в пустоте — ответы на все вопросы? Может, эта пустота и есть та внутренняя гармония, которая скрыта под налетом дум и переживаний?

А волны и солнце — они помогли спрятать все тревоги и волнения. Они словно убрали все мешающее, все раздражители, которые не так-то просто уничтожить. Если бы знать

раньше, как хорошо и спокойно без них, какое это блаженство — ни о чем не думать и только ощущать мягкие теплые прикосновения, ласку приятных волн и мерный рокот бескрайнего моря... Возможно ли это — отпустить весь хаос забот и тревог, отвлечься от них и позволить себе просто быть? Просто существовать, не оценивая происходящее? Меркнут все вопросы, которые доставляют сплошные неудобства и дисгармонию, и вот уже не осознаешь, кто ты, для чего ты, как тебя зовут, чем ты занимаешься и...

— Как тебя зовут?

Волны... Они спрашивают, как меня зовут... Да какое это имеет значение? Не знаю, как меня зовут и кто я... Я — это просто я. Я тут. Я существую. Или не существую? Может, я — это всего лишь одна из тех волн, что набегают на берег? Вот я здесь, а через мгновение меня не будет — я растворюсь среди других волн, сольюсь воедино с морем и стану просто водой. Я — это безграничное море, которое просто существует, оно бескрайнее, безграничное...

— Кто ты?

Кто я... Зачем эти вопросы? Скажите, зачем они? Разве вы не видите, что меня нет? Я — часть моря и неба, которым неподвластно время, которые не чувствуют ни усталости, ни страха, ни боли...

Боль. Почему она есть? Она есть, несмотря на то что меня почти нет. Странно. Так не может быть, это неправильно, нелогично! Разве море или небо чувствуют боль? Нет. Так почему я ее ощущаю? И она становится все сильнее и сильнее, она заставляет меня перестать быть морем и небом... Почему она не отпускает меня? Почему она есть, когда меня нет?..

— Ты помнишь свое имя? Фамилию? Сколько тебе лет? Как называется твой родной город? Говори, я вижу, что ты очнулась! Вспоминай!

Я... я ведь не могу говорить. Или могу? И где море и небо? Почему я не вижу волн и солнца? Почему здесь все так... все так уныло, неестественно, неправдоподобно? Что это — светло-голубое, но не такое живое, как небесная гладь? Оно ненатуральное, фальшивое! Это обман, этого не существует! Верните мне море, небо и...

— Кто ты такая?

Я... я не помню! Или... или...

— Я... Женя. Да, я правильно сказала?..

Сказала я только первую часть фразы — о второй подумала, но произнести ее, похоже, не смогла. Она слишком сложная и длинная, а говорить мне больно. Каждое слово отзывается болью в плече. Ведь это плечо, да? Не нога, не кисть. Плечо... Которое жутко болит,

и кажется, что боль расползается по всему телу. Лучше не говорить и не шевелиться, чтобы не позволять боли рассредоточиваться по мне. Лучше молчать...

— Не молчи. Назови свою фамилию. Знаю, больно, но потерпи. Помнишь что-нибудь?

— Нет... — мне показалось, что я сказала это короткое слово, но боль пульсировала только в левом плече, не растекаясь по руке, шее, голове, животу... Значит, я лишь подумала об этом...

— Вспоминай.

Да кто это такой наглый, что достает меня своими расспросами? Почему я вообще должна на них отвечать? Да верните меня назад, я хочу лежать на морском берегу, смотреть на волны и гальку, хочу наслаждаться солнцем и небом, а не видеть эти мерзкие голубые стены!

Стены. Вот как это называется. Мои глаза уже привыкли к голубому цвету, я даже могу опустить их ниже, чтобы разглядеть это существо, которое притащило меня сюда из того блаженства и неги. Из... рая?.. Если море и небо — рай, то наверняка голубые стены — это ад. А я вообще верю в рай и ад? Может, они не существуют? Откуда я вообще это взяла?

■ — Где ты живешь? Назови город.

Я опустила взгляд и уставилась на лицо, скрытое под светло-голубой маской и таким же голубым колпаком. Я вижу только глаза, темные и в очках. Все остальное скрыто, непонятно, как этот человек выглядит. Но, судя по всему, ничего хорошего от него ждать не приходится, раз он утащил меня с морского побережья и каким-то неведомым образом перенес сюда.

— Кто вы? — кое-как прошепелявила я. Почему-то в мыслях у меня куда лучше получалось говорить и задавать вопросы. Стоило мне попытаться разлепить затекшие губы, как тело вновь ответило жуткой режущей болью. Ее невозможно было терпеть — я в изнеможении закрыла глаза, чтобы не видеть всю эту дурацкую голубую картинку. Однако боль не пропала, а даже усилилась.

— Отлично. — Чудище в очках, маске и колпаке почему-то осталось довольным мною. — Раз задаем вопросы, значит, есть надежда избежать полной амнезии. Для начала скажи все, что ты помнишь о себе.

Я не стала раскрывать глаза, понадеявшись, что, может быть, судьба сжалится надо мной и вернет туда, откуда меня так грубо вытащили. Напрасная надежда. Я с трудом разлепила веки — чудище в голубом никуда не исчезло, равно как и голубые стены. Я даже